

РУЖЬЁ И КАМЕРА

Фотоохоте отведено своё место, но, с точки зрения пользы для дикой природы, настоящая охота с ружьём в поле незаменима.

В этом выпуске мы обратим особое внимание на ружья – основное орудие охотника. Не слишком-то уж много найдётся охотников, которые именно так и воспринимают свои ружья – орудия, мол, и ничего больше. Большинство из нас всё же оценивают свои ружья по достоинству за их качества: изящество линий, мастерство исполнения и эта особая комбинация дерева (или синтетики) и металла, что превращает обычное мощное орудие в ценную вещь, дорогую фамильную реликвию, старого и испытанного друга.

Те, кто не охотится, иногда любопытствуют: почему же это я не могу «просто взять камеру» в поле вместо ружья. И я стараюсь объяснить им, что наличие у меня ружья меняет мою позицию восприятия опыта пребывания на природе с роли наблюдателя на роль участника, персонально причастного к циклу жизни в естественной среде обитания. И, хотя наблюдение за природой мне тоже очень по душе, но участие в её жизни, на мой взгляд, гораздо более ценно.

Проблема «ружьё против камеры» возникает в ходе многих дискуссий по сохранению природы, и, как оказывается, в ней заключается гораздо большее, чем просто персональное удовлетворение. И это особенно справедливо для Африки, где недавно объявленный запрет на охоту в Ботсване вывел вопрос «экотуризм против охоты» в центр общественного внимания. В своём пресс-релизе, объявляя о закрытии охоты,

правительство Ботсваны достаточно ясно выразило свои намерения: «...в соответствии с международными тенденциями, мораторий на охоту обеспечивает значительный рост туристического сектора экономики, поскольку охотничьи угодья будут преобразованы в районы для фотоохоты и проведения фотосъёмки».

Возможно, Ботсване, как и Кении, предстоит обнаружить, что «фототуризм», – возможно, вполне похвальное занятие, – не заменит охоты, если речь идёт о сохранении диких животных.

В своей замечательной новой книге «Спаси меня из пасти льва» (Save Me From the Lion's Mouth) южноафриканский природоохранный деятель Джеймс Кларк пристально изучает сей феномен. Со времени принятия политики запрета охоты в 1977 г. Кения утратила две трети своей популяции диких животных, несмотря на процветающую индустрию «фототуризма». Танзания тоже попыталась было запретить охоту в пользу экотуризма на время, но затем вернула разрешение на охоту, что дало позитивные результаты.

И Кларк заключает: «Запрет охоты не обеспечивает увеличения поголовья диких животных; он увеличивает одну-единственную вещь – обеднение сельских районов».

Частично это происходит оттого, что фотосафари ограничиваются отдельными районами с привлекательными видами, куда легко добраться и где обитает большое количество диких

животных, чтобы их несложно было бы отыскать. А вот охотники стремятся проникнуть гораздо глубже в глушь, даже и в небезопасные районы, чтобы иметь шанс добыть свой единственный трофей.

Майк Нортон-Гриффитс, исследователь экономики земледелия, отметил в своих научных записках в 2007 г., что в Кении «возможности туристического наблюдения за жизнью диких животных ограничены пространством всего лишь в 8800 квадратных миль – 5% от природных угодий, где они обитают».

Кроме этого, охотники расходуют значительно больше средств, чем «фототуристы». «В Зимбабве и Танзании доходы, приносимые охотниками-любителями, выше доходов от клиентов – фотографов, соответственно, в 30 и 14 раз», – отмечает Кларк. К тому же один охотник оказывает значительно меньшее влияние на экосистему, чем дюжина туристов с камерами наперевес.

Преимущества ружья перед камерой также несомненны, конечно же, и в Северной Америке. Всякий раз, покупая ружьё, лук

или коробку патронов, вы предоставляете средства для структуры по обеспечению сохранности диких зверей вашего штата через посредство фондов Питмэна-Робертсона. А вот с камерами и биноклями дело обстоит вовсе не так.

Перо (или его современный эквивалент) может оказаться сильнее шпига, но, если речь идёт о сохранении диких животных, то турист с камерой всё ещё не способен заменить старое доброе ружьё в руках знающего и неравнодушного охотника.

Туристы на фотосафари склонны предпочитать легкодоступные районы, где водится много дичи. А вот охотники предпочитают забираться в глушь, подальше от исхоженных дорог, чтобы заполучить возможность добыть по-настоящему хороший трофей, как вот этот калахарский спрингбок, взятый в Намибии, в отдалённом резервате Оматендека